

NOMADESSA

1.1 Episode with МИХАИЛ РЕВА: Сила України / Обращение к Человечеству

ТАТЬЯНА: Этот разговор будет мостиком между разговором, который у нас был, если я не ошибаюсь, в октябре 2021 года. Я приехала к вам в Троицкую студию с проектом, который хотела назвать «*Одессит Мишка*», — для того чтобы рассказывать истории удивительных людей, и очень ценных для меня людей, через историю Одессы. Потому что Одесса — это не только украинский город, это не только Дерибас, это не только легенды, не только Жванецкий, это не только пляжи, Аркадия... Это ещё огромное количество очень разных историй, очень разных людей, которые здесь себя проявляли. Мне хотелось начать именно с глыб Одессы.

И тот разговор я проматываю до сих пор, потому что тогда вы мне рассказали, в частности... вот эти золотые правила Одессы, и рассказали очень многое про Бориса Литвака, которого я не имела чести знать лично. Помните этот разговор?

МИХАИЛ: Да, я помню этот разговор. Ну, кстати, сейчас это вообще всё очень сильно обострилось, усилилось...

ТАТЬЯНА: Я включу вот — наобум — один из фрагментов, потому что у меня так и не вышло тогда это интервью сверстать во что-то цельное. Я совершенно точно понимала, что этот разговор был многоточием. А теперь понимаю, почему. Наверное, тогда что-то висело в воздухе...

МИХАИЛ (отрывок): У Бори была миссия, и он спасал... Он делал это для детей и спасал город. У меня миссия более космополитическая, потому что я принадлежу не только этому городу. Я иногда себе говорю, что я его кисточка. У меня другие задачи — мне надо выполнить свою миссию художника, найти эти формулы гармонии. Гармонии для людей. Потому что для того чтобы человек жил, кроме иммунитета тела, у него должен быть ещё иммунитет духа.

ТАТЬЯНА: Всё интервью переслушивать не будем. Я буду в этом разговоре, который выйдет в апреле двадцать пятого года, — который мы записываем сегодня, 21 марта 2025 года, в Барселоне, не в Одессе... И здесь мы встретились и обнялись — как бы обнялись дома. Посмотрим, какой будет разговор сегодня. Но большое спасибо, что вы меня приняли. У меня нет открытого вопроса — я хочу, чтобы вы отступили, так как вы почувствовали: почему я приехала, почему тогда мы не закончили, и почему эта война сейчас растирает нашу страну. Я хочу, чтобы интро было вашим. Пожалуйста.

МИХАИЛ: Знаешь, Танечка, я об этом очень много думал. Потому что первое понимание всего этого произошло тогда, когда я услышал выступление Путина перед войной. И я понял, что будет война.

ТАТЬЯНА: За полгода, по-моему?

МИХАИЛ: Нет, это было не за полгода — это было за пару месяцев. Ну как бы... душа мне сказала: «Да, всё, вот... что-то произойдёт очень страшное». А мозг говорил: «Да ну, не может быть... как это — не может быть? Потому что не может быть никогда». Потому что мы — не только часть одного пространства, в котором мы учились, вместе жили, связаны разными узами, дружескими... всё переплетено. И мозг мне говорил: «Нет, это невозможно».

А с другой стороны, я потом понял: это — закономерность.

ТАТЬЯНА: Этого не могло *не* случиться?

МИХАИЛ: Не могло. Потому что всё, что случалось с этой страной после определённых событий, в историческом контексте — это была территория насилия.

ТАТЬЯНА: вы имеете в виду Советский Союз

МИХАИЛ: Я имею в виду даже ещё до Советского Союза. Мой дедушка перед смертью рассказал мне историю моих еврейских корней. Рассказал о том, что они жили в местечке далеко от Гомеля. Еврейское местечко было. И в Челосотицах начались еврейские погромы — в 1905 году. Его прабабушку и прадедушку из Сотницы привязали к хвостам лошадей... Это ужасная смерть. Дети это видели. Он рассказал об этом перед своим уходом, потому что боялся. Во-первых, он — еврей.

И потом мы только в военном билете нашли упоминание об этом. Эта вся история — история насилия. Насилие над самым главным продуктом человечества — семьёй. Семья, которая возникает, традиции семьи — как мы это видим в Европе, когда люди знают многие ветки одной фамилии, которая соединяется с другой... А там всё было разрушено. До пустыни. Мы узнали только дедушку, бабушку, от силы — прадедушку. А дальше — всё. Пустыня.

И это касалось всего: морали, нравственности, памяти. Потому что уничтожались кладбища, полностью. На них ставили площадки, тир... Всё, что произошло, — произошло закономерно. Потому что была воспитана часть общества, в которой не было эмпатии, не было традиций, не было ничего. И поэтому переступить какие-то нравственные принципы они могли легко.

ТАТЬЯНА: Для того чтобы выжить в той системе, нужно было быть частью...

МИХАИЛ: Надо было быть серой мышью. Чтобы не было твоего "я", не было твоего внутреннего мира. Самое главное — чтобы у тебя не было выбора. Потому что самое главное, что нам даёт Всевышний, — это право выбора. Это мы выбираем, на какой стороне быть: на светлой или на тёмной.

ТАТЬЯНА: Это — свобода.

МИХАИЛ: Да. Это — главное. То, что есть внутри каждого человека. А когда это отнимают — тогда ничего не происходит.

ТАТЬЯНА: То есть сейчас мы находимся на закономерном этапе истории. Истории, которая началась в начале XX века, с большевистской чумой. И сейчас мы расхлёбываем последствия того, что не было кем-то или почему-то остановлено. Нас пожирают вирусы.

МИХАИЛ: Это не только мы. Это всё человечество. Перед этим выбором — мы все. Это касается и европейцев, и американцев, всех. Потому что надо просто помнить слова "Интернационала" — и всё станет ясно: «Мы разрушим этот мир до основания». Это касается всех. Потому что то, что они разрушают — они не создают. Это хаос. Хаос не только человеческих душ — хаос всего мира. Это империя. Это рабство. Рабство всего мира.

И поэтому в этом мире нет места свободному человеку. Вот в чём проблема. Если все начнут мыслить и понимать суть происходящего, тогда и отношение будет другое. Потому что сейчас Украина — своими сыновьями и дочерьми — закрывает собой весь мир. Своими жизнями.

Поэтому мы должны говорить всё, что угодно, о каких-то вещах, но понимать одно: зло всегда прикрывается добром. Всегда. Они не могут сказать, что зло — это зло. Им обязательно нужно куча фиговых листочков, чтобы прикрыть преступления — от Бучи, от того, что они воровали детей, от того, что уничтожают города, превращая их в пепелища. Где были мечты, попытки построить историю семьи... Люди только начали что-то делать: у кого-то появилась недвижимость, бизнесы... А всё это забрали, уничтожили.

Потому что мы должны быть частью рабской сущности этого мира. Удобного, управляемого.

ТАТЬЯНА: Я хочу ещё, знаете, вернуться к нашей встрече на Троицкой в 2014 году, когда Одесса чудом не качнулась в ту сторону. Я тогда привозила журналистов — англичан. Они уже тогда начинали следить за развитием событий. И я помню, у меня тогда случился очень удивительный свич... То есть: была прекрасная карьера на радио, был этот розовый, иллюзорный мир — песни, общение с великолепными людьми, жизнь в лучшем городе. И вдруг случается ужас — со всей нашей страной. Та война, которая идёт сейчас, началась не три года назад — она идёт с 2014 года. Тогда всё началось. И вы тогда говорили, что это просто невозможно постичь. Невозможно осознать, что с нами происходит.

МИХАИЛ: Вот сейчас, всё-таки уже с опытом, с какой-то жизненной позицией и пониманием тех испытаний, которые нам выпали — не только всем, а именно каждой душе индивидуально — это испытание души. И первый раз я с этим столкнулся, когда у меня упали все иллюзии и начались откровения. Когда я столкнулся с ужасом этого мира, прежде всего с цинизмом человеческой сущности.

Это было 11 сентября 2001 года. Я был тогда в Нью-Йорке. Я прилетел 10-го, а 11-го на моих глазах это произошло. Тогда я впервые почувствовал, что в меня проникает пустота. Именно пустота. Потому что всё, что творит зло — оно выжигает в тебе ростки доброты, любви... заменяет их ненавистью, злостью, безысходностью. Теми вещами, которые начинают убивать в нас божественную сущность — любовь.

Я потом видел людей, у которых выжгли всё. Вот, я столкнулся с одним человеком, который в Буче искал своего брата. Тот уехал на мотоцикле. И он эксгумировал все эти братские могилы. Когда мэрия попросила, чтобы он показывал, где кто лежит... Я видел человека, у которого выжжена душа. Просто выжгли.

Это страшно. Это орда, которая пришла за нашими душами, за нашими сердцами, за нашей любовью. Они говорят: «Мы вас убьём, а потом будем любить». Цинизм этого всего — это деградация человечества.

Потому что эта деградация тоже началась... может, после 60-х–70-х годов XX века. А может, она была всегда. Да, была. Но были и всплески культуры. Эпоха Возрождения: великие художники, поэты, писатели. Но зло всё равно присутствовало — Савонарола сжигал книги, Данте изгоняли из Флоренции... Это было всегда.

Но человечество начало развиваться. Мы начали отходить от феодального устройства мира. Появился человек — со свободной, чувственной мыслью.

Я могу сказать одно — всем, и россиянам тоже: только свободные люди могут создавать. Рабы не умеют создавать ничего. Они могут только прийти и забрать. Но мы приходим в другой мир. А этот мир — уже другой. Он воспитывает искусственный интеллект.

ТАТЬЯНА: И какие в нём законы, в этом новом мире?

МИХАИЛ: Ну, если этот мир не сохранит нравственности, то там будет та же самая пустота. Знаешь, как... я сделал одну из последних работ — она называется *Армагидо*.

ТАТЬЯНА: Из обломков?

МИХАИЛ: Нет, это живопись. Вот такая. И я там объединил образ четырёх всадников апокалипсиса в одну фигуру. Это одна фигура, в которой — смерть, война, голод и болезни. Это четыре всадника апокалипсиса. Но их, оказывается, пять. Пятый — это смрад. Это когда уже пустоту заполняет разлагающийся запах. И чтобы мы не разложились, чтобы мы не превратились в этот смрад, — самое главное, что должно остаться в человеке, — это нежность, любовь, доброта, совесть.

Тогда, как говорил Михаил Михайлович: *"Имей совесть — делай что хочешь"*. А те люди, которые лгут, манипулируют сознанием других, — они на стороне зла. И вот это чёткое разделение.

Именно поэтому вся русская пропаганда запускает истории про фашистов, про зло — они всё переворачивают с ног на голову. Они "добрые", они "нас спасают". Меня — человека, который говорит на русском, которого воспитала русская культура.

ТАТЬЯНА: И меня — украинку, говорящую на русском языке. Но меня спасать не нужно. На эту тему Дима Глуховский, мой приятель, совсем недавно опубликовал блестящий текст, где сделал такую анатомию зла. Я на него отреагировала, написала комментарий на Facebook — и под ним собралось очень много лайков... но ни одного комментария. Никто не отважился прокомментировать.

Моя точка зрения, как историка, тоже давно сложилась. Я всё это разложила по полочкам. И хотя я не первая, кто об этом говорит, мне важно напомнить именно в этом интервью: всегда в истории есть моменты, когда можно было повернуть рельсы. Таких моментов достаточно. Но случается какой-то фактор — и поезд идёт не туда. Или он просто не останавливается.

Вот таким фактором на нашем с вами веку стала эта история, в которой мы сейчас находимся. Лучше бы это читать в фэнтези. Но нет — это наша реальность.

Был момент, когда после Второй мировой всю вину возложили на Германию, а советская машина с её блестящей пропагандой сделала всё, чтобы забыли про 1938–1939 год, про пакты и договорённости. А ведь если бы не было этих закулисных сделок, не было бы и Второй мировой. И многого другого тоже не было бы.

Но история не любит сослагательного наклонения.

Тем не менее, мы зашли слишком далеко. Мы — уже участники этого хоррора. Сейчас — очевидно тёмное время. Где же этот луч? На что мы можем опираться?

Я не спрашиваю, почему побеждают плохие. Я не спрашиваю, почему в нормальном человеке может возникнуть огромное желание сделать больно другому — своему сыну или дочери. Это за гранью. Мне очень сложно это постичь. Но я хочу найти в нашем разговоре точки опоры: какие-то признаки, имена, смыслы, нарративы — за которые можно зацепиться, чтобы не сойти с ума. Чтобы видеть свет в конце.

МИХАИЛ: Ну, во-первых, могу тебе сказать: самое главное в этом противостоянии — это противостояние каждого. Он сам не должен пускать в себя зло.

ТАТЬЯНА: Борьба с самим собой, война внутри?

МИХАИЛ: Да, да, именно. Потому что мы должны выйти из этого круговорота, из этой мясорубки. Это один из важнейших моментов.

ТАТЬЯНА: А что такое человек?

МИХАИЛ: Ну, я... Меня папа так воспитывал. Он ставил меня на табуретку и спрашивал: *"Кем ты должен быть?"* — Я отвечал: *"Человеком."* — Он спрашивал: *"Какой должен быть порядок?"* — Я говорил: *"Морской."* — Тогда он говорил: *"Всё. Воспитание закончено."*

И меня как-то спросили в интервью: *"Что для вас важно в жизни?"* Я ответил: *"Для меня важно не разочароваться в человечестве."* Потому что я видел разные преступления человека — что он делает с природой, с собой... И когда я начал думать о тех образах и метафорах, к которым должен обратиться как художник... Сначала это всё шло через импульсы, стереотипы. Но потом, как скульптор, я начал изучать... ну, эти кончики копья, которые летят в наши...

ТАТЬЯНА: ...окна?

МИХАИЛ: Да, окна, тело, душу. И я увидел одну вещь: человек придумал разные способы собственного уничтожения. Он использовал для этого физику, науку — всё, чтобы убивать себя и себе подобных.

Когда я начал изучать эти осколки — они ведь сделаны так, чтобы быстро исчезать, чтобы следы преступлений можно было скрыть... Через время можно было сделать вид, что ничего и не было.

ТАТЬЯНА: Покажите, пожалуйста.

МИХАИЛ: Да, сейчас, вот, будет видно... вот так. Мне военные начали их привозить.

ТАТЬЯНА: Я про это не знала. Я думала, это обычный металл.

МИХАИЛ: Нет, там разный металл. Там есть таль, неведомый сплав. Он специально ломается, разлетается на кусочки, быстро ржавеет и исчезает в земле. И вот эти осколки мне начали привозить, и я к ним относился очень чувственно. Мне нужно было это изучить — как скульптору.

ТАТЬЯНА: А какая энергия?

МИХАИЛ: Вот об этом как раз хотел рассказать. Когда я начал изучать эти осколки, я был поражён: в этих кусках смерти природа дарит нам красоту. Вот в чём парадокс. Потому что мы используем законы природы, а природа всегда гармонична. И в этих кусках металла я вдруг видел кору деревьев, какие-то растения, бытие... Меня это поражало. Даже лицо взрывателя, которое так взорвалось, стало всевидящим оком, таким "третьим глазом". Это — ювелирная работа, просто филигрань. Нам через эти куски смерти природа всё равно даёт гармонию. Потому что только гармония — не только внутренняя, но и внешняя — даёт нам возможность для иммунитета духа. А мы сейчас спасаем именно дух.

ТАТЬЯНА: А когда вы обрабатывали эти осколки?

МИХАИЛ: Я их не обрабатывал. Я к ним не прикасался. Для меня было важно сложить эти пазлы в метафоры и обратиться к людям — не только к россиянам, европейцам, а вообще ко всем, к человечеству. Потому что от этого исходит очень мощная энергия — то, как мы её используем. Когда я складываю из этой энергии образы, они становятся достаточно сильным, чувственным инструментом. Это и была моя миссия, моя задача — прожить это.

ТАТЬЯНА: Я думаю, было бы здорово, если бы в конечном итоге это творение — на стыке физики и искусства, эта коммуникация — оказалось перед глазами человека, который когда-то собирал эту ракету.

МИХАИЛ: Ну... я думаю, да, это важно. Потому что к чему мы пришли — к этому испытанию — в этом тоже виновата культура.

ТАТЬЯНА: А вот сейчас во мне говорит ненависть. И это самый большой челлендж, самое большое испытание, через которое мы проходим — оставаться человеком, продолжать верить во что-то, верить в человека. Не захлебнуться в ярости, не захлебнуться в ненависти, которая уничтожает всё на своём пути. Это как маховик... Я даже не знаю, как...

МИХАИЛ: Вот поэтому наши деды, которые у меня воевали, они никогда не рассказывали о войне.

ТАТЬЯНА: Чтобы не множить это семя зла?

МИХАИЛ: В этом, наверное, была их...

ТАТЬЯНА: Мудрость?

МИХАИЛ: Нет. Ошибка. Это была ошибка. Потому что их внуки развязали войну. А если бы они говорили об этом — не с соусом и специями героизма, не вот эти "можем повторить", а как есть — возможно, всё было бы по-другому. А это зерно ненависти — оно не вчера и не позавчера появилось. Это началось давно, ещё в начале двухтысячных. И даже раньше.

Самое главное, что в этих бесконечных шоу и "откровениях" забиралась человеческая суть. Всё выставлялось напоказ. А так не бывает. И это тоже давало деградацию нравственности. Поэтому всё не так просто. Я вообще считаю, что и искусство конца XX века к этому привело. Потому что на выставках художниками начали манипулировать — кураторы, деньги...

ТАТЬЯНА: В каком контексте?

МИХАИЛ: В контексте того, что утратилась суть таинства. Понимаешь? У Леонардо, у Микеланджело была суть таинства. У Пикассо — тоже. А потом началась технология. Всё превратилось в систему зарабатывания денег. Художник стал как кукла. Им начали

руководить. Я приезжаю на выставку, на биеннале в Венеции — и ты ходишь, а тебя ничего не трогает. Всё — пустота.

ТАТЬЯНА: Или перенасыщение?

МИХАИЛ: Просто понимаешь... Я всегда говорю: когда нет искусства — начинается литература. Когда тебя не трогает искусство, тебе нужно объяснение, рассказ. А вот я зашёл однажды в *Саграда Фамилия* — и там есть Бог. Там есть энергия. Всё. Художник.

А мы всё это начали заменять: перформансы, акции, печатные знаки... А когда тебе говорят: "*Это и есть искусство*", — это не искусство. Это уже не является искусством.

Сейчас мы дошли до того, что часть постмодернизма перешла в политику. А зачем? Всё стало псевдо. Нужно просто врать. Всё — ложь. Как можно говорить, что "войны нет"? "Мы не напали"? Люди перестали бояться лжи. Хотя у нас — сумасшедший по мощности организм фильтрации этой лжи. Но сейчас, в инфляционное время, с этими технологиями — всё развеивается за пару дней. Мы живём в ритме, где через неделю все уже забыли. И люди не несут никакой ответственности за свою ложь.

ТАТЬЯНА: Но я вижу, что это можно чинить только в семье. С этого мы и начали. Близкое окружение — это единственная среда, где можно воспитывать критическое мышление. Потому что да, мы оказались в эпохе, когда начинали с дисковых телефонов, а теперь технологии ускорились невероятно. С этим "тиктовым" мышлением, когда человек принимает решение за 2–3 секунды, делая свайп в телефоне, — те реакции, которые раньше защищали нас от лжи или сомнительных ситуаций, больше не срабатывают. Просто не остаётся времени на раздумье.

Человек не трудится думать. Только в семье, только через близких можно, наверное, сохранить уровень качества... человеческого. Человечности.

МИХАИЛ: Да, я с тобой согласен. Но дело ещё глубже. Это касается души каждого из нас. Потому что люди, которые переходят эту черту, — они выжигаются. И неважно, сколько у него денег — он всё равно будет плохо спать. Потом — таблетки, наркотики, алкоголь... чтобы заглушить в себе это. Вот в этом и есть деградация. Потому что это просто так не проходит.

ТАТЬЯНА: Вот теперь я чувствую тот самый смрад, о котором вы говорили.

МИХАИЛ: Да, да.

ТАТЬЯНА: Я хочу в этом интервью сформулировать одну свою теорию. Я, наверное, уже пару лет с ней хожу. Она может быть воспринята как невероятная глупость — и даже если так, я не буду просить прощения, потому что на текущий момент именно так я понимаю мироустройство, человечество и нас.

Мне очень нравится играть с языками. Мамин язык — русский, на нём я получила образование, читала. Украинский — мой родной язык. Английский, испанский — хорошо ими владею. Сейчас я хорошо говорю по-немецки. Учила чешский — были когда-то амбиции переехать в Прагу, не сложилось. Немного понимаю по-итальянски.

Я что-то понимаю про языки, и поэтому, когда я не нахожу какого-то соответствия или ответа в языке повседневного использования, меня совершенно устраивает, например, версия из другого языка.

И на текущий момент я себе так объяснила и нашла ниточку в семантике: слово "еврей" в русском языке и английское "everybody". Я вообще считаю, что мы все — по-своему "еврей". А дальше — в истории человечества, когда мы формировались в какие-то системы — в любой фрагмент истории, в любой стране, в любом языке, в любой культуре, на любом континенте — общество всегда делилось на две категории.

Одна — работала, когда было холодно, строила дома, носила шкуры, укрывала своих детей, готовила. А вторая — говорила: "Ты не так делаешь, ты не так делаешь", или просто завидовала.

Те, кто работали, очевидно, добивались успеха и организовывали системы. А те, кто не работал, — исторически, по-разному, в разные моменты — приходили и всё это опротестовывали, устраивали ситуации, чтобы завладеть тем, что не они построили. Потому что они не хотели работать. Есть "те, кто работал", и есть своё "работа".

МИХАИЛ: У меня немножко по-другому. Я всегда завидовал — белой завистью — тем людям, которые могут впитывать в себя разные языки. Это великий дар.

Я учу один язык уже 40 лет — это язык искусства, который, кстати, понятен всем людям, населяющим эту планету. Это язык гармонии. Это язык, который нам дал Создатель.

Потому что у Бога нет религии. Если и есть религия — то это гармония. Это красота, которая дана нам, чтобы быть людьми. Потому что мы чувствуем красоту. Мы не только чувствуем запахи — мы можем чувствовать глазами. Но то, что даёт нам возможность жить внутри себя, существовать, впитывать эту многогранную жизнь — это и есть красота.

Другая часть человечества эту красоту уничтожает. Но в этом мире не всё так просто. Мы живём в третьем измерении, а уже доказано, что их больше десяти.

За нами тоже кто-то наблюдает — так же, как мы наблюдаем за букашками.

У меня были откровения в жизни, которые заставили меня задуматься: в этом мире карму никто не отменял. Если человек творит зло — может, он будет наказан здесь. Но то, что будут наказаны его предки, его потомки — это точно.

Я тебе расскажу историю, которая заставила меня многое переосмыслить. Это было перед войной, в 2020 году. Я лежал с ковидом. У меня было 90% поражения лёгких.

Мои друзья — врачи — уже позвонили моим девочкам и сказали: "Готовьтесь, ему осталось жить три дня". Потому что по всем анализам, по показателям — организм отказывался от жизни.

Но ночью произошло чудо. До сих пор в той клинике это проходит как "очевидное невероятное". Меня должны были переводить в реанимацию, подключать к ИВЛ, у меня уже не хватало кислорода. А у меня хроническая астма. Это не просто смертельно — это фатально. Я отказался. Сказал: "Это моя ночь. Что будет — то будет".

В ту ночь у меня были приступы. Я выдержал. Уже без сил, просто лежал. И вдруг я увидел над собой квадратик — светящийся, сантиметров пять. Он пульсировал. Мы смотрели друг на друга. Мой мозг говорил: "Наверное, это галлюцинации от нехватки кислорода". А он пульсирует — больше, меньше.

Не знаю, сколько это длилось. Может, они меня сканировали. Но я почувствовал: оттуда идёт энергия души моей мамы. Она была жива в тот момент. И это была энергия гармонии, покоя, любви. Очень много любви. Это всё вошло в меня — и я отключился.

Утром пришли, взяли анализы. Приходит врач с квадратными глазами и говорит:
— Я ничего не понимаю. Все параметры повернулись и пошли в обратную сторону. Через 10 дней меня выписали.

Мне вернули вкус и запахи детства. Я стал ещё более сентиментальным. Сейчас, с тремя годами войны за плечами, я научился сдерживать эмоции. А тогда мог заплакать за секунду. Мне 60 лет. Так что не всё так просто. Зло всё равно будет наказано. Потому что оно не связано с той энергией-спасительницей, которая вернула меня к жизни.

Надо уметь не просто терпеть. Надо уметь сохранять в себе любовь. Это — единственная сила, которая может нас всех спасти в этом безумном, противоречивом мире.

ТАТЬЯНА: Я согласна. И если даже психологически вернуться к канонам — в одном моём обучении это очень просто объяснили: даже самое большое зло, даже самое большое преступление — это тоже своего рода любовь.

Сейчас объясню, как: это крик о любви. Этот человек не может по-другому сказать, что ему нужна любовь. Любимый маньяк, человек, который творит зло — он это оправдывает, объясняет, аргументирует. И когда доходишь до сути — это его крик о любви. Только проявленный в такой, чудовищной форме.

МИХАИЛ: Я против таких форм. Я вообще считаю, что...

Нет, смотри. Я считаю, что люди, которые развязывают войны — если бы они стояли в первых рядах на линии соприкосновения, войн бы не было.

Они наслаждаются смертями. Их защищают тысячи других. Они не страдают. Они ничего не теряют. Они живут в своём выдуманном мирке, расставляя фигуры на шахматной доске — фигуры, которые не имеют никакого отношения к созиданию. Они в своей жизни ничего не создали.

ТАТЬЯНА: Я прекрасно это понимаю.

МИХАИЛ: Вот в этом-то и проблема. Мы говорим "Одесса". А Одесса — это город, который по-настоящему уникален. 135 национальностей. Мне говорят: "Одесса — русский город". Какой русский город?!

ТАТЬЯНА: Она же основана испанцем.

МИХАИЛ: Одесса — европейский город. Это мировой город. Она уникальна в своей коммуникабельности, в отношении между представителями разных наций. Все жили в одном одесском дворе. Сначала вырабатывался язык общения. Он был ироничный, с улыбкой, с подколами. Мы встречаемся — мы с детства друзья — и до сих пор используем эти подколы. Это наше признание в любви.

Потом они делились блюдами, выносили еду во двор. А потом пришла нежность. Возникла. Это великий дар — нежно относиться друг к другу.

ТАТЬЯНА: Это так здорово. И понимая, что Одесса — колыбель для многих, которых сейчас тонким слоем размазало по миру... Помимо нашей подлинной Одессы, есть ещё десятки — в Северной Америке, в Канаде, в других странах. Люди родились там, учились, а теперь живут и платят налоги в других государствах.

Но эта энергия сохраняется. Сохранять нежность, делиться теплом, уважать — вот что важно.

МИХАИЛ: Да. И уважать друг друга. Немного самоиронии — это свято. Потому что язык иронии и самоиронии — это тоже защита от зла.

ТАТЬЯНА: Как прививка?

МИХАИЛ: Как прививка. Иммунитет.

ТАТЬЯНА: С учётом того, что в наш город и в нашу страну в очередной раз пришла беда, ещё больше людей разъехались — кто временно, кто навсегда — сейчас особенно остро встаёт вопрос: что такое "дом"? Где он?

Я сегодня по дороге прочитала интересную мысль: в Европе, например, переезды — это норма. Люди меняют города ради карьеры. В Штатах постоянно переезжают между штатами. У нас — у эмигрантов, начиная с первой волны в 70-е, потом в 90-е, и особенно сейчас, в эти три военных года — тоска не уходит.

Я живу в Мадриде. Великолепный город. Но первый год был невыносим. И сейчас — я не могу наслаждаться этой жизнью полностью. Потому что мне больно. Мне физически больно от того, что происходит с моим домом.

Это не ностальгия. Это что-то другое. Я знаю, что здесь — рядом — пульсирует реальность, в которой живут мои близкие, друзья. И я не могу отключиться.

МИХАИЛ: Да, смотри. Тут две стороны.

Когда я уезжаю из Одессы — по здоровью, или по другим причинам — я тоже становлюсь частью этого чувствительного камертона. Я переживаю за друзей, за город. Слежу за всем. Мне небезразлично.

Но интересный момент — здесь, вне Одессы, всё ощущается острее. А когда я в Одессе, без фатализма, с нашей одесской иронией — ты привыкаешь. Ты понимаешь: это — не худшее. Худшее — это если орки придут. Если они займут наши дома. Если уничтожат нас "любовью". Вот это — и есть дух сопротивления.

ТАТЬЯНА: Именно поэтому даже вот сейчас... я, на самом деле, совершаю медийное самоубийство. Потому что, несмотря на то, что я заявила: подкаст будет украинский, английский, испанский — мои самые близкие люди, я говорю с ними по-русски. Да, сейчас это бетон. И при всём при этом, реагируя на то, что происходит в Украине, в Одессе, я тоже для себя приняла решение, что единственные люди, которые имеют право сейчас решать, каким будет будущее страны, как правильно действовать — это те, кто её защищает. Это военные. Это наше ЗСУ.

И поэтому очень сложный вопрос — совместить образ романтической Одессы, который всегда существовал, и тот образ, который вкладывается сейчас. И Украина в целом... Но я хочу, чтобы мы сейчас даже не обсуждали эти страшные сценарии. Потому что и мой папа выйдет с ружьём, и если я вернусь — я тоже выйду с ружьём. Я вернусь. Потому что Одесса останется украинской.

Теперь — каким будет этот мир, какой будет Украина, какая будет Одесса, когда мы пройдем это страшное время, когда они действительно что-то подпишут... Ну, случится?

МИХАИЛ: Во-первых, мы вернёмся к тому, с чего начали. Понимаешь, если мы останемся людьми в этой мясорубке, то мы будем уважать людей за их выбор, за их язык, за их отношения. Потому что Путин не может присвоить язык целого народа. Он не может присвоить культуру этого народа. Он не может присвоить историю этого народа. Он просто злодей и убийца, который понесёт свою кару. И я ему это обеспечу. Так и будет.

А мы должны остаться вольными людьми. Свободными. Толерантными. В этом и есть сила Украины — в её разнообразии. В том, что она соткана из орнаментов разных регионов, разных людей, которые мечтают, чтобы она процветала. И каждый будет свой маленький камешек подкидывать в основание свободной страны. Вот это — важнейший фактор.

Так получилось, что я учу один язык уже 40 лет, и выучил только алфавит, из которого могу собирать какие-то отрывочные фразы в пространстве. Я вообще работаю в такой области, где форма должна шептать. Шёпотом, чувственно. И с годами я начал разговаривать на русском языке. Пытаюсь формулировать какие-то мысли для своего зрителя. Я обожаю украинский язык — он певучий, чувственный. Думаю, два таких языка в мире — итальянский и украинский. Он мелодичный.

Я дружил с Богданом Ступкой, дружу с многими, кто говорит шикарно. Я могу сидеть и слушать, как музыку... Но я так не умею. Поэтому говорю на том, на чём могу.

ТАТЬЯНА: Где можно сегодня, в 2025 году, услышать язык Создателя, кисточку Михаила Ревы? В каких городах, какие работы сейчас в процессе или уже инсталлированы?

МИХАИЛ: Ну, многое, что было начато до войны, — заморожено. Оно пытается реализоваться, но это непросто. Потому что, во-первых, это требует ресурсов. А ресурсы сейчас идут на противостояние злу. Знаешь, как говорят: "Когда говорят пушки — музы молчат". Но музы не молчат.

У меня большая коллекция из осколков. И, конечно, я мечтаю показать её на разных площадках. Есть проекты, которые я делаю сейчас. Это не просто — ко мне обращаются города, в которых произошли трагедии. Сейчас помогаю с двумя проектами.

Один — это монумент, скульптура, посвящённая нашим десантникам. Там сложный вызов — нужно выбрать не советский монументальный язык, а новый. Свободных, вольных людей.

Второй проект — это в Днепре. Главный архитектор и руководство города попросили меня помочь. Это трагедия — дом на набережной, в который попала ракета. Уничтожена целая секция. Нужно создать памятный знак. И это сложно — надо пропустить через себя боль погибших и пропавших. Перед отъездом в Барселону я сделал эскизы, отправил. Сейчас обсуждаем с архитекторами. Это будет часть той чувственной ноши, которую я понесу после войны.

ТАТЬЯНА: Это не будет коллективной память?

МИХАИЛ: Это будет. Но это всё — личная боль. Через неё всё пропускаешь. Ко мне обращаются родители детей, погибших в Одессе...

ТАТЬЯНА: Ой-ой-ой... Господи...

МИХАИЛ: Да. Это очень сложно. Это никогда не просто. Но из таких вещей рождаются настоящие работы. Я же делал фонтан Сковороды. Он философский.

ТАТЬЯНА: Он уже установлен?

МИХАИЛ: Он должен быть... Ну, это же фонтан Сковороды, к 300-летию Сковороды. Это про неравенство, про равенство, про всё это... Там всё неравно, но в этом и есть суть.

ТАТЬЯНА: Ну, я показываю эти кадры. Да, он из камня.

МИХАИЛ: Да, он из гранита — кстати, бразильского, такого светлого гранита. Все элементы уже отлиты в бронзе. И очень важно, что я его не закончил тогда — он был готов процентов на 80. Но во время войны я его всё-таки завершил.

Его профинансировали, мы его сделали, он сейчас полностью готов. Но он всё ещё ищет своё место, потому что... потому что сейчас идёт культурный геноцид: уничтожаются музеи, библиотеки, люди, которые являются частью этой энергии тоже...

ТАТЬЯНА: Смотрите как под этот разговор небо плачет. Такой сильный дождь пошёл...

МИХАИЛ: Ну Потому что это краеугольный камень и вот сейчас...

ТАТЬЯНА: Его философия — один из тех важнейших столпов. Интеллектуальных, моральных, этических. То, что может помочь нам выстоять.

МИХАИЛ: И приобрести основу нации. Читать, вникать. Там вся мудрость.

ТАТЬЯНА: Читать его, вникать, потому что там — вся та мудрость, которая нам сейчас так нужна.

МИХАИЛ: Он был космополитом.

ТАТЬЯНА: Да, невероятным.

МИХАИЛ: Его предвидение духовного развития человечества — это большая мудрость. Этот фонтан сначала должен был стоять на Контрактовой площади, потом — в Киево-Могилянской академии. И из этого фонтана родился проект реконструкции академии. Архитектурное бюро "Форма" в Киеве сделало потрясающий проект. Если его реализуют — это будет то самое пространство, где будет формироваться элита Украины.

Когда пришли демоны — они сделали там военное училище, МГБ, НКВД. Пытались выжечь дух. Не просто уничтожить — выжечь. А ребята сделали проект, который вернёт это пространство. Снимаю шляпу. Если он будет реализован — Украина будет этим гордиться.

ТАТЬЯНА: Когда он будет реализован?

МИХАИЛ: Когда закончится этот ужас. Он будет реализован. Я уверен. И это будет университет, которым мы будем гордиться — как пространственно, так и философски.

Есть идея перенести фонтан к Печерской Лавре — во двор, где ходил Сковорода, где Пётр Могила создавал академию. Это философское зерно — идея, что мы разные сосуды, но берём столько Божественного, сколько можем. Это источник всего.

А для Киево-Могилянской академии я придумал новый фонтан. Это будет родник. Будет стоять камень, найденный на порогах Днепра. Дикий, настоящий камень. Весной должны забрать. В этот камень будет воткнут бронзовый посох Сковороды. Он сгорел в музее от российской ракеты. А этот будет новый. И на нём будет надпись: "Жизнь — это путь" (*"Наше життя — це подорож"*).

ТАТЬЯНА: Он был деревянным?

МИХАИЛ: Да. А этот — бронзовый. Там будут надписи... Это для всех выпускников Киево-Могилянской академии.

ТАТЬЯНА: Вот и весь ответ, за которым я приехала. "Жизнь — это путь". Для Киево-Могилянки. И для людей, которые там формируются.

МИХАИЛ: Да. Там даже будет спираль, рука к небу... И из того места будет бить родник.

ТАТЬЯНА: Это очень красиво. Спасибо вам большое. Это — опора.

МИХАИЛ: Да. Это — опора.

ТАТЬЯНА: Это связь с Творцом. И напоминание, что мы сами — Творцы.

МИХАИЛ: Мы — его дети. Его кисточки. Его продолжение. Если будем жить, создавая, любя, уважая, ценя — наш путь будет наполнен светом.

ТАТЬЯНА: Так и да.

МИХАИЛ: Так и да.

ТАТЬЯНА: Можно бесконечно общаться. Сейчас выключим камеру, ещё многое обсудим. Когда ехала, вспомнила, как мы встретились на Екатерининской... хотя уже нельзя так говорить. Сейчас это Европейская площадь. Мы были в "Дизингоffe", день города. Случайно встретились, был Алексей Гогохия. Мы сделали фото. Я его подписала так: есть такие люди, в объятия которых падаешь — и понимаешь: я дома. Елена Орлова: "Миша Рева — мой. В него не падать!"

Я надеюсь, этот разговор откликнется в сердцах наших земляков. Когда мы есть друг у друга — мы уже дома.

МИХАИЛ: Мы — дома. Мы — семья. Мы — сила, которая противостоит тьме.